

Глава 13. Я хочу домой

Воздух хранил едва уловимый аромат феромонов — чистый и свежий, как горный родник. Легкая сладковатая нотка ласкала обоняние, даря умиротворение и ощущение сказочной идиллии.

Наверное, дело было в том, что маленькая русалка еще не до конца повзрослела, поэтому всплеск феромонов оказался мимолетным и со временем постепенно рассеялся.

Цан Хай снова лег на прежнее место, но его брови по-прежнему были нахмурены.

Он всегда думал, что маленькая русалка, как и он сам, окажется Альфой, но никак не ожидал, что тот вот-вот претерпест вторичное разделение и станет редчайшим Омегой. Среди людей соотношение Альф, Бет и Омег составляет примерно двадцать пять, семьдесят и пять процентов соответственно. Что же до расы русалок, то там Омеги ценятся куда выше. Насколько ему было известно, среди русалок уже очень давно не рождалось Омег.

Он изучал историю русалок: будучи соседями Федерации и ответвлением человеческого рода, они обладали невероятным, превосходящим возможности подавляющего большинства людей талантом к духовной силе.

Однако законы Вселенной справедливы: обретая колоссальную мощь, русалки были вынуждены платить за нее высокую цену.

Их геном нес в себе тяжелейший генетический дефект. Стоило их духовной силе достичь определенного уровня, как этот дефект приводил к чудовищному отторжению, в конце концов лишая их рассудка.

Генетический дефект не поддавался исцелению. Если духовную силу русалки не направлять в нужное русло, весь их оставшийся век пройдет в беспрерывных приступах безумия.

Согласно записям, именно Омеги-русалки обладали способностью усмирять и направлять духовную силу сородичей.

Вот только общество русалок почти целиком состояло из Альф и Бет, а Омег насчитывались жалкие крохи — за последнее столетие не родилось ни единого Омеги-русалки.

На следующий день ехидный Цан Хай выложил Сяо Юю правду о его скором разделении.

Хотя в оригинальном романе народу русалок уделялось не так уж много внимания, а планета русалок в целом служила лишь одной из локаций-подземелий, которые зачищал главный герой, в книге все же содержалось краткое описание этой расы, где особо подчеркивалась их причудливая особенность.

Подумать только, как это несправедливо: он здесь ломает голову над каждой мелочью, пока некая виновница всех бед сладко спит.

Омега-русалка — единственный способ спасти обезумевшую русалку. Но Омеги до того редки, что стоит такому появиться на свет, как сородичи тут же начнут борьбу за него, окружая всевозможными благами и заботой.

Цан Хай с мстительным злорадством подумал, что нужно заставить и Сяо Юя понервничать, иначе его собственное душевное равновесие не восстановится.

Странное чувство, отдаленно напоминающее угрызения совести, защемило сердце. Цан Хай не стал отодвигать обвивший его бедро русый хвост, думая о том, что не пояись он здесь, Пустынная планета не разрушалась бы с такой скоростью, и, глядишь, маленькая русалка прожила бы здесь всю жизнь в беззаботности и покое.

Вдуматься только: весь смысл жизни Омеги-русалки сводится к исцелению душевных травм сородичей. Русалки будут видеть в нем лишь спасительное лекарство — да разве кого-то волнует, что у него на душе и согласен ли он вообще играть роль спасителя?

Сяо Юй же никогда и не помышлял о том, чтобы становиться спасителем. С его-то холодным сердцем и жестким нравом он был начисто лишен желания жертвовать собой ради спасения окружающих.

Сяо Юй презрительно поджал губы: — Свобода дороже жизни.

Нетрудно было догадаться, сколько жадных взглядов устремится на Сяо Юя, стойте его истинной сущности раскрыться.

Именно поэтому, жаждая вернуть рассудок потерявшим рассудок могущественным сородичам, раса русалок пойдет на любые меры, лишь бы заполучить Сяо Юя, который вот-вот завершит разделение.

При этом он еще и лицемерно утешал: — Ну же, по крайней мере о будущем тебе беспокоиться не придется — русалки наверняка станут носить тебя на руках и кормить деликатесами. Если мы покинем Пустынную планету, впредь сможешь объедаться крабовой икрой хоть каждый день, и тебе больше не придется тревожиться о еде.

Мягко говоря, это забота, а грубо — домашний арест.

— Глупыш, тебе предлагают жизнь в роскоши, а ты нос воротишь. Чего же тебе еще надо? — Цан Хай покачал головой с усмешкой. Какая еще свобода дороже жизни? Когда настанет смертный час, люди готовы цепляться за малейший шанс выжить, даже лишившись абсолютно всего.

Заметив, что хвост маленькой русалки снова обвился вокруг его бедра, Цан Хай беспомощно вздохнул, но отталкивать его не стал.

Он ни о чем не жалел: ради выживания ему пришлось совершить здесь экстренную посадку. Доведись ему сделать выбор заново, зная заранее ко всем вытекающим последствиям, он поступил бы точно так же.

Сяо Юй от неожиданности лишился дар речи.

Мало того, что Цан Хай не собирался ему помогать, так он еще и огорошил новостью такой силы.

Принять дикую, исступленную духовную силу русалки способна лишь духовная сила Омеги.

Сяо Юй только-только проснулся. Как же неудобно с длинными волосами — за ночь они растрепались во все стороны, и ему пришлось идти к Цан Хаю за помощью.

Смерть — вот тогда действительно не останется ничего.

Молодая русалка не уловила скрытого смысла в словах Цан Хая и всерьез задумалась: — Я хочу домой.

Цан Хай озадачился: — Разве это место — не твой дом?

Сяо Юй не знал, что и ответить: его настоящий дом находился далеко отсюда, на первородной Земле, но вернуться туда он уже явно не мог.

Не понимая, почему настроение маленькой русалки вдруг так резко испортилось, Цан Хай после долгих раздумий списал все на то, что жизнь на Пустынной планете подходит к концу.

Пустынная планета была для Сяо Юя домом, а ее гибель означала, что он навсегда лишился своей родины.

Цан Хай слегка нахмурил брови, чувствуя, как в груди заныло от тупой, едва уловимой боли.

Он-то думал, что его появление принесет маленькой русалке спасение и он сможет показать Сяо Юю огромный мир за пределами этого места, но на деле выходило, что именно он стал первопричиной всех бед.

— Прости меня, — виновато произнес Цан Хай.

Сяо Юй недоумевающе посмотрел на него: — За что ты извиняешься?

Цан Хай: — Я разрушил твой дом.

Сяо Юй тут же сообразил: Пустынная планета и впрямь была родиной прежнего владельца тела, но никак не его собственной.

У него не было права прощать Цан Хая от чужого имени, но лично он очутился на Пустынной планете примерно в то же время, что и Цан Хай, и никакой особой привязанности к ней не испытывал.

К тому же, не будь рядом Цан Хая, он бы уже невесть сколько раз отправился на тот свет.

— Все уже в прошлом, — с показной беспечностью бросил он. — Надо смотреть вперед.

Цан Хай едва не поверил этой бравade, но спустя пару мгновений подозрительно переспросил: — Ты только что улыбнулся?

Сяо Юй плотно сжал тонкие губы, натянув лицо: — Ничего подобного! Мой дом вот-вот рухнет, с чего бы мне улыбаться?

Сердце Цан Хая сжалось от жалости, и он ласково взъерошил волосы Сяо Юя: — Не бойся, я вытащу тебя отсюда. Если русалки захотят тебя схватить, пусть сначала спросят, согласен ли я.

Сяо Юй даже проникся благодарностью, хотя и не верил, что Цан Хай в одиночку сможет противостоять всему роду русалок.

Позавтракав, Цан Хай вместе с Сяо Юем снова отправился бродить вдоль береговой линии.

Пристально оглядевшись, Сяо Юй подтвердил: — Вчерашняя метка снова пропала.

Чтобы понять, смещается ли береговая линия, они воткнули в песок кость Богомола со скрытыми крыльями в качестве ориентира.

Кости этого чудовища обладали невероятной прочностью, а всю плоть с них счистили заранее, так что ни одно хищное существо в здравом уме не стало бы ее грызть.

Оставалось лишь одно объяснение: океан продолжал наступать на сушу. Чтобы оценить скорость этого наступления, сначала предстояло отыскать ту самую кость.

Сяо Юй вызвался добровольцем: — Я сам спускаюсь в воду и поищу.

Цан Хай ничего не видел, так что это поручение целиком ложилось на плечи Сяо Юя: — Будь осторожен. Если возникнет опасность, зови меня погромче — я буду на берегу.

— Не волнуйся, — бросил Сяо Юй и с размаху нырнул в пучину.

Вода в прибрежной зоне оказалась мутной, а видимость — отвратительной.

Сяо Юй чувствовал себя барахтающимся в грязи поросенком — с головы до ног перемазался илом.

К счастью, он смутно помнил примерное место, где они оставили метку, и вскоре нащупал на дне заветную кость.

Схватив ее, он вынырнул на поверхность, на глаз прикинул расстояние до Цан Хая и, вернувшись на берег, стоял бледный как полотно.

— Ну как? — услышав плеск, поинтересовался Цан Хай.

Сяо Юй, стирая с себя грязь, тяжело произнес: — За одну ночь береговая линия сместилась вглубь суши ровно на сотню метров.

Даже при том, что Цан Хай мысленно готовился к худшему, от таких вестей его брови сошлись на переносице.

— Дальше будет только быстрее. В пещере оставаться больше нельзя, не ровен час грянет второе крупное землетрясение. — Цан Хай взвалил Сяо Юя себе на спину. — Нам нужно спешить на поиски разлома, времени на Пустынной планете почти не осталось.

Предсказание Цан Хая подтвердилось вечером два дня спустя.

В этот раз, когда началось сильное землетрясение, Цан Хай не только не стал убегать вместе с Сяо Юем, но и остался неподалеку от береговой линии.

Они тихо сидели на песке, не обращая внимания на сотрясающуюся вокруг землю — фигуры обоих оставались непоколебимыми.

Сяо Юй помнил слова Цан Хая о том, что колоссальная энергия подземных толчков вполне способна породить новый пространственный разлом в эпицентре катаклизма.

Вместо того чтобы вслепую метаться среди бушующей стихии, куда разумнее было выжидать в засаде, пока разлом не появится сам.

Вода постепенно подбиралась к его хвосту, и Сяо Юй лениво качнул плавником, взметая брызги.

— Не терпится? — Цан Хай крутил в пальцах длинный меч; природные катаклизмы легко выводили чудовищ из себя, так что приходилось сохранять дельнейшую бдительность.

Сяо Юй смущенно отдернул хвост: — Ничуть, просто поменял позу.

Цан Хай напомнил ему: — Если заскучал, можешь достать Цюй Ли и еще раз осмотреть. Сколько дней прошло, а твоя духовная сила так и не сдвинулась с мертвой точки. И кстати, хотя землетрясение и способно открыть новый пространственный разлом, это лишь вероятный исход, а не гарантированный, так что не стоит питать слишком больших надежд.

— Я знаю, — пространственные разломы возникали без всякой логики и предсказуемости, поэтому он изначально придерживался правила: повезет — отлично, нет — так тому и быть.

Больше всего его беспокоил Цюй Ли. С того раза, как они пообедали крабовой икрой и ему случайно удалось оставить на лезвии едва заметную царапину, дело больше не сдвинулось с места.

Как бы он ни пытался поймать нужное ощущение по наставлениям Цан Хая, углубить эту черту не получалось ни на йоту.

В качестве утешения Цан Хай протянул ему кусочек крабового мяса.

Метод кнута и пряника был донельзя прост, но в качестве средства для усмирения юнца работал безотказно.

<http://bllate.org/book/21022/2136907>